

УДК 327

Антонович И.И.

Новая биполярность мира: взаимозависимость вместо противостояния

Антонович Иван Иванович, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Республики Беларусь, действительный член Российской Академии социальных наук, профессор ИППК при МГУ имени М.В. Ломоносова, Чрезвычайный и Полномочный посол.

Глобальные реальности в начале XXI века создают геополитическую основу и условия для формирования отношений взаимозависимости двух мировых гигантов – США и КНР, – которые сформируют новую биполярность, но не на основе противостояния, как во вторую половину XX столетия СССР и США, а на условиях взаимозависимости.

Ключевые слова: глобализация, биполярность, стратегическая взаимозависимость, США, СССР, Китай.

Глобализация сформировала единый мир на рубеже XX и XXI веков. Все страны мира так или иначе охвачены ее динамикой. Исследователи говорят о «второй капиталистической революции», суть которой в том, что глобализация проникает в самые далекие уголки мира, легко нарушая суверенитет стран, преступая его, меняя политические режимы, формируя новые глобальные конфигурации, разрушая Вестфальский мир, субъектами которого были национальные государства, и выталкивая сами национальные государства на обочину мировой политики, принуждая их лидеров большую часть своего времени быть занятыми лечением острых социальных проблем в своих обществах: растущей безработицы, падением жизненного уровня, ростом преступности, снижением неуправляемостью социально-экономических и политических процессов.

Характеризуя нынешний уровень мирового развития, известный немецкий социолог Ульрих Бек пишет: «В парадигме глобальной модернизации власть и знание объединились с видением глобального порядка, который излагался в одной формуле – формуле западного представления о мире и западной рациональности. Это видение мира навязывает в качестве неопровергаемой аксиомы то, что эволюционная парадигма модернизации формирует мир в западном облике и что противоречие между «Западом» и «остальной части мира» (the West and the rest) постепенно преодолевается»¹.

В какой-то мере вплоть до конца XX столетия так оно и было. Глобализация охватывала всё новые, самые дальние уголки планеты, формируя народы и страны по единой модели, меняя правительства, вызывая к жизни силы, которые стимулируют действия стран по включению в мировой рынок, по реализации либеральной экономической модели свободного предпринимательства, закрепленной демократическими преобразованиями анархических общественных структур.

В начале XXI столетия исследователи заговорили об уникальной всемирной ситуации, которую характеризуют четыре особенности:

1. Ни одна страна мира сегодня не может полноценно развиваться вне рыночной экономики;
2. Огосударствление средств материального производства и обмена является всё более неэффективным, ведет к растрате ресурсов и коррупции;
3. Шоковые терапии, которые были предприняты в странах постсоветского пространства как средство выхода из кризисного распада, доказали свою неспособность изменить жизнь к лучшему;
4. Свобода мысли и выражения полностью вытеснена рыночной свободой, которая принимает к сведению только коммерческую рентабельность того или иного общественного процесса.

Западная модель модернизации, которая легла в основу глобализации, создала единую систему взаимозависимости большинства стран мира, которую формирует и удерживает в активном состоянии свободное движение капиталов, низложение таможенных барьеров, функционирование единого финансового и информационного пространств. Первое десятилетие XXI века явилось свидетелем того, что хотя глобализация и сформировала единый мир, она не остановила процессов модернизации, которые стали проявлять и свои отрицательные качества, кумулятивным выражением которых явился кризис – глобальный кризис 2008–2010 гг., охвативший все страны мира и парализовавший их с невиданной до этого силой. Взаимозависимый мир обнаружил опасности этой взаимозависимости.

Прежде всего, хотя действительно глобализация, формирующая новые принципы разделения труда, в значи-

¹ Beck U., Grande E. The Cosmopolitan Europe. Policy Press, 2008. P. 114.

тельной мере ликвидировала противоречия между «Западом и всеми остальными», тем не менее, ее благоприятные последствия распределились в мире далеко не одинаково. Островки высокого индустриально-технического развития сформировались в Южной Корее, Сингапуре, Филиппинах, Китае, Бразилии, Индии, однако в общем развивающийся мир, шестимиллиардный массив населения планеты, не почувствовал благоприятных последствий глобализации ни в повышении уровня жизни, ни в решении острых социально-экономических и политических проблем. В новом глобальном зависимом мире остроту, угрожающую мировому равновесию, по-прежнему представляют проблемы мировой бедности, социального неравенства, насилия во всемирно исторических масштабах.

С 1989 года, который считается годом конца «холодной войны», в мире произошло более 60 вооруженных конфликтов, принесших в жертву десятки миллионов жизней и сдвинувших с насиженных мест более 50 миллионов мигрантов. Во многих точках земли, особенно в Африке, повседневная жизнь людей напоминает кромешный ад. Не случайно сегодня в миграционных процессах в поисках лучшей жизни в каждый данный момент времени находится более 200 миллионов человек. Считается, что за первые 20 лет этого столетия место жительства переменяет около миллиарда человек. Это в основном беглецы из бедных регионов мира в богатые. Проникая в них, эти мигранты не спешат интегрироваться в общество, принять правила жизни развитого мира, ибо не могут. В основе своей это молодые люди в возрасте около 20 лет и моложе, не имеющие ни образования, ни специальной подготовки, чтобы занять себя полезным трудом в этих странах. Они попадают в закрытые анклавные соотечественников, ведут существование на социальные пособия, и во многих странах развитого мира сегодня несколько поколений людей живут, вырастают и умирают, так и не занимаясь трудовой деятельностью, существуя на вспомоществования развитого мира.

Это обостряет кризисы во всех развитых государствах, но не уменьшает желания молодых обездоленных мигрантов из безнадёжного, утопающего в нищете и насилии развивающегося мира передвигаться в развитый мир. Демографический поток с юга на север становятся всё более неконтролируемыми, создавая для благополучных европейских и других стран неразрешимые проблемы. Неспособность национальных правительств бороться с социальными проблемами в условиях глобализации, открытых границ и свободных рынков серьёзным образом подрывает их легитимность, политический авторитет. Это ввергает в острый и перманентный кризис демократическую модель правления. Следует отметить, что за последние 20 лет ни в одной из стран европейского мира в ходе свободных демократических выборов ни одна партия не смогла добиться убедительного большинства. Странами управляют то ли коалиции, составленные из партий меньшинства, то ли крупные партии, которые получают победу на выборах с преимуществом в 1–3% голосов. Поскольку правительства сменяются, а проблемы остаются нерешёнными, частая смена правительств дискредитирует власть и лишает ее доверия и уважения со стороны граждан.

Глобализации, формирующая социальные и экономические процессы во взаимозависимом мире, ставит на повестку дня поиск моделей его управляемости политическими средствами, которые избегали бы насилия, как инструмента подавления несогласия и вырабатывали бы правила мирового консенсуса, доступные для всех, но и в той же мере обязательные для всех. Поиск равновесия и стабильности становится важным приоритетом деятельности ООН и других международных организаций.

С распадом СССР и дезинтеграцией социалистического лагеря, в мировой системе образовался вакуум, серьёзным образом нарушивший мировое равновесие. Эйфория, охватившая Соединенные Штаты как другой биполярный центр противостояния в «холодной войне», сменилась унынием, фиксирующим неуправляемость глобальных процессов и ослабление их собственной роли мирового лидера. В начале XXI столетия Соединенные Штаты предприняли масштабную попытку изменения состояния мирового неравновесия в свою пользу, пытаясь создать модель однополярного мира. Мотивация Соединенных Штатов хотя и широко использовала глобальную «примиренческую» терминологию всеобщего братства «Запада и всех остальных», преследовала только узконациональные цели.

Вновь избранному руководству США из Республиканской партии в начале XXI в. представлялось, что возник уникальнейший шанс, когда Соединенные Штаты могут утвердить себя в качестве единственного и постоянного лидера всего мира.

Когда дело дошло до реализации, оказалось, что иных факторов, кроме мощной военной силы, у США уже не оказалось, и трагедия американской стратегии однополярного мира состоит в том, что президент Буш-младший и его окружение решили внедрить в мир однополярное измерение именно с помощью военной силы. Поскольку военной силы у Соединенных Штатов не хватает на то, чтобы покорить весь мир, несмотря на то, что земной шар опутан мощной сетью американских военных баз, смысл стратегии Буша-младшего состоял в нанесении нескольких успешных военных ударов по странам, чем-то угрожавших США. Так был выбран Ирак, потом, в соответствии с формулой Буша об «оси зла», должны были последовать Иран, Северная Корея, а по мере успехов американцы продолжали бы поражать, подавлять мир военной силой избирательно, согласно своим планам, целям и интересам.

История, однако, вынудила претерпеть Соединенные Штаты глубокое разочарование. Фактическое поражение США в Ираке и Афганистане не только серьёзным образом ослабило мировой престиж этой державы, но и подорвало экономику, вызвав огромное недовольство в самих Соединенных Штатах и потерю их авторитета в мире. Первое десятилетие XXI в. поставило мир перед очень сложным выбором: при необратимости процессов глобализации, трансформирующих весь мир в единую экономическую систему, на повестку дня встал выбор всемирной политической модели управления, которая нашла бы средства принудить и организовать к совместному действию политические силы разных частей мира, управляющихся национальными государствами.

Проблема тем более трудна, что международное сообщество состоит из государств разных уровней экономического, социального развития, разных политических систем. Упрощенная формула, предложенная миру Соединенными Штатами – либеральная модель рыночной экономики, демократия и уважение к правам человека, – энергично отторгается весьма значительным количеством государств и народов развивающегося мира, что лишает ее универсализма и привлекательности.

Историческая ретроспектива свидетельствует о том, что для обеспечения мирового равновесия оптимальной моделью является биполярность. Достаточно вспомнить, как величайшая империя христианского мира – Римская – раскололась надвое на заре христианства, и это биполярное воздействие на мир привело потом к возникнове-

нию своеобразной биполярности в Европе: между романо-франкским миром и Священной Римской империей, затем – к биполярности императорской Европы и России, и, наконец, к биполярности США – СССР и их союзников во время «холодной мировой войны». Тенденции биполярности являются, таким образом, устойчивой моделью сначала европейского равновесия, а потом и всего мира.

Сегодня уже несколько подзабыт тот факт, что одной из неожиданных особенностей «холодной войны», истощившей ресурсы СССР и приведшей к его распаду, особенностью, надолго обеспечившей милитаристский курс США по достижению военного паритета в 1974 году, было то, что термоядерная война была невозможна, т.к. по оценке экспертов обеих сторон приводила бы к нанесению неприемлемого ущерба (inadmissible damage) обеим сторонам, после чего восстановление могло быть уже невозможным.

Сегодня, как и 500 лет назад, западная модель развития ставит своей задачей и основной целью покорение мира. Укрываясь за общегуманитарной риторикой о желании содействовать всеобщему благу, государства, входящие в руководящее ядро западной мир-системы, по-прежнему преследуют жестко ограниченные цели национального интереса и выживания в современном мире. Цель мирового господства западных стран трансформировалась в более благоприятные модели глобальных ценностей, но в сути своей не изменилась. В сложном глобальном мире, однако, западная модель модернизации, хоть и универсализировалась, но реализует себя не везде и не всюду одинаково.

Рассматривая социально-экономические и исторические параметры «китайского чуда» последних 30 лет, следует отметить, что Китай – единственная страна, которая сумела воспринять научно-технические новшества, западные принципы менеджмента, адаптироваться к условиям конкурентной борьбы на свободном рынке, не изменив при этом своей политической системы и серьезно опираясь на исторические достижения своей многотысячелетней цивилизации. Сегодня китайскую модель характеризует не стремление к мировому господству, а задача мирового присутствия в целях обеспечения своего национального интереса. Китай успешно развивается, сотрудничая со всем миром на достаточно выгодных для себя условиях. С учетом демографии, растущей экономической мощи и непрерывности движения по пути модернизации КНР становится важнейшим фактором мирового развития, который образует очень весомый мировой полюс. Китайская экспансия – торгово-экономическая, преимущественно мирная, и именно этим она привлекательна для многих народов мира, чем и являет собой креативную противоположность агрессивным устремлениям западной цивилизационной модели и западных проектов глобализации.

Благодаря этому, первая декада XXI века демонстрирует новую геополитическую конфигурацию мироустройства, в котором в качестве двух полюсов развития выступают США, как по-прежнему самая мощная в экономическом и военном отношении держава, и Китай, как мировая держава, успешно решающая свои национальные и мировые задачи мирным путем. Есть все основания полагать о том, что будущее мироустройство обретает биполярность, которая существенно отличается от биполярности «холодной войны». В условиях «холодной войны» всю вторую половину XX века центры мир-системы, США и СССР, балансировали друг с другом на грани войны, их характеризовала несовместимость военно-политических условий, противоречие ценностных систем и резкое отличие задач мировой экспансии: если у США в их стратегических и геополитических целях идея мирового лидерства трансформировалась в стратегию мирового господства, то у СССР за период «холодной войны» сложилась своеобразная модель мирного расширения революционных преобразований, целью которого было построить светлое будущее для всего человечества – коммунизм. Сегодня складывается биполярная модель взаимозависимости: всю первую декаду XXI в. Соединенные Штаты, истощенные непосильными и невыигрышными для них войнами, вынуждены прибегать к интенсивным мировым заимствованиям, довели свой внешний долг до объема валового национального продукта (неслыханная ситуация для великой державы). В этом своем действии они попали в финансово-экономическую зависимость от Китая, который фактически субсидирует экономическую систему Соединенных Штатов, предоставляя ей кредиты и защищая американские гособлигации на сумму более 100 миллиардов долларов в месяц. Китай продолжает делать это и сегодня, так как понимает, что дефолт американской экономической системы, обеспечивающей еще и сегодня более 20% мирового ВВП, был бы колоссальной мировой катастрофой. В то же время значительная часть темпов мощного экономического роста Китая обеспечивается за счет того, что значительная часть производимой в Китае продукции поглощается мощным внутренним рынком Соединенных Штатов. Китай хорошо понимает, что каждое кризисное явление в США сокращает закупки китайских товаров народного потребления, что ведет к закрытию фирм, особенно мелкого и среднего бизнеса. Обе страны заинтересованы в ликвидации кризисного состояния мировой экономики и ищут пути выхода не на почве военного столкновения, а на почве экономического сотрудничества. Эта новая система взаимозависимости при всей ее противоречивости и хрупкости первых геополитических признаков, представляет собой серьезную возможность выхода процессов глобализации на уровень всеобщей мировой управляемости. Обе страны подготовлены к этой роли спецификой своей исторической судьбы, непохожестью, которая дополняет и компенсирует как достоинства, так и недостатки друг друга.

Американское лидерство: социодинамика успехов и неудач

Известный французский социальный мыслитель-аристократ Алексис де Токвиль, который посетил Америку в 1803 г., написал: «Америка является великой, потому что она является доброй. Если Америка когда-либо перестанет быть доброй, Америка перестанет быть великой»¹.

Надо признать определенную справедливость этих слов французского аристократа. На всем протяжении XX века Соединенные Штаты для того, чтобы играть в основном посредническую роль, умело использовали растущий европейский кризис и в особенности период, который сейчас многие исследователи называют «Тридцатилетней войной» (1914–1945), т.к. промежуток между Первой и Второй мировыми войнами был заполнен не чем иным, как интенсивной военной подготовкой к новым схваткам.

Используя мощь своих корпораций, способных поставлять товары потребления, а также вооружения в неограниченных количествах, Америка не только серьезным образом накапливала свое национальное богатство, но и помогала

¹ Tocqueville A. de. Democracy in America. New York, 1956. Vol. 1. P. 94.

великим европейским державам выходить из тяжелых, затяжных кризисов послевоенных периодов, из которых они почти наверняка не могли бы выбраться сами. Сегодня многие вспоминают активные военные действия Соединенных Штатов в период «холодной войны», но следует вспомнить и целый ряд других исторических обстоятельств: усиленное кредитование европейских экономик после Первой мировой войны, план Маршалла после Второй мировой войны, который создал Америке репутацию «великой державы», имеющей право не только на военно-политическое, экономическое, но и на моральное лидерство в западном мире. Эта претензия на моральное лидерство среди стран западного мира сильно подкреплялась страхом перед Советским Союзом и его союзниками, ощущением того, что в новой термоядерной войне граждане Европы подвергнутся намного более страшным испытаниям, чем в предыдущих две войны.

Сейчас ситуация изменилась. Характеризуя ее, исследователь американской цивилизационной истории Гленн Бек пишет: «Наш государственный корабль сегодня находится далеко в море, его сотрясают до основания штормовые воды и проблемы, которых, по мнению отцов-основателей, можно было бы избежать, если бы мы находились в пределах координат, заданных нами со времени основания нашего государства»¹.

Чувство беспоконьята и страха перед будущим охватывает очень широкие круги американского общества. Тем не менее, мощная жизненная сила страны не пропала целиком, она уникальна. В христианском мире Соединенные Штаты – единственное государство, которое сложилось не исторически-эволюционным тысячелетним путем, а было основано относительно небольшой группой переселенцев-пилигримов, бежавших от притеснения и религиозной несправедливости из Европы с тем, чтобы построить новый, идеальный мир на поначалу неприютных американских берегах, более чем неприютных. На восточный берег Атлантики прибывали всё новые и новые поселенцы, и в первые три года их прибыло 9 тысяч, а выжила тысяча. Чтобы выжить, они вынуждены были вернуться к методам обработки земли давностью в пять тысяч лет. Маленький город Джеймстаун был основан переселенцами, продвигавшимися вглубь Америки на лодках, которые ничем не отличались от тех, на каких плавали граждане египетского царства 5 тысяч лет назад. Эти сообщества начались с коммунизма, общности инструментов, общности усилий и раздельности жизни. Члены этих сообществ полагали, что вознаграждением их усилий и тех, кто погибли в борьбе за новую жизнь, будет построенный «Новый Иерусалим, новый град на холме», который станет маяком для всего мира.

В течение немногим более 200 лет эта новая страна сумела обрести демократическую Конституцию, добиться независимости, а ее экономические, финансовые и прочие успехи сделали ее привлекательной для европейского мира в первую очередь, но и для всех людей земли. Страна получила метафорическое определение «Новый Свет», и «Новый Свет» действительно стал маяком для миллионов обездоленных всюду в мире. Характерно, что государственные учреждения Соединенных Штатов формировались по образцу институтов англо-саксонских поселений Европы, а конституционные и демократические начала были сформулированы четырьмя великими американцами, получившими имя «отцов-основателей» (founding fathers).

Экономическая мощь, предпринимательская активность, высокий моральный дух, демократические принципы правления с успехом обеспечили претензии Америки на мировое лидерство. Понятно и другое: как всякая страна, особенно могущественная страна, она грешна в своем поведении, потому что рано или поздно ею начинает управлять национальный интерес. Стремление к неограниченному господству и богатству вынудило в конечном итоге применять все методы, включая и насильственные, для реализации этой цели. Однако весь XX в. имидж США как главного мирового лидера был вполне обоснованным, а восторженные заявления исследователей о XX в. как об «Американском столетии» (American century) имели под собой весьма серьезные основания. Именно во вторую половину XX в. в американском общественном сознании произошел колоссальный скачок, в умах и душах граждан Америки в качестве аксиомы укоренилась формула: «Дела Америки являются в значительной степени делами всего человечества». Это дало США мощную престижную фору по сравнению с другими странами-претендентами на лидерство. Однако, преследуя свои цели, далеко не бескорыстные, всюду в мире, Америка, всё чаще оправдывала свои действия тем, что она обучает мир свободе, распространяет демократию, которая даст возможность народам мира подняться до уровня свободной Америки. Во второй половине XX в. американская пропаганда всё более и более приобретала демагогический смысл. Речь уже более не шла об интенсивной американской помощи странам, стремящимся выйти на путь модернизации, а о моделировании социально-экономического и политического устройства этих стран по американскому образцу с тем, чтобы потом эти страны, «обогащенные» свободой и демократией, сами поднимали себя до уровня США. У большего числа стран мира, обескровленных столетиями колониальной эксплуатации, на то, чтобы подняться до уровня Соединенных Штатов, не было сил. Соединенные Штаты это, однако, не смущало, и только поражения начала XX столетия серьезным образом обострили внутреннее положение в США, на время приостановивших мощную агрессивную риторику о праве на лидерство, и заставили руководящих деятелей этой стране сегодня серьезным образом изучить свои собственные возможности и перспективы.

Одна из исследовательниц современного американского кризиса Рана Форухар² говорит о том, что сегодня в Америке больше бедных людей, чем в любой другой период за последние 52 года американской истории, когда начала всерьез изучаться проблема бедности. Сегодня ниже черты бедности в Америке живет 15%. Число бедных непрерывно растет последние 5 лет. Для семьи из 4 человек попадание под черту бедности означает жить на сумму 22 000 долл. в год, 5 лет тому назад черта бедности подразумевала жизнь на доход 25000 долл. в год и ниже, таким образом, и уровень дохода бедных сузился, и число их непрерывно возрастает. Поскольку манипуляции цифрами не всегда убедительны, достаточно сказать, что из дохода 22000 долл. в год семье приходится платить за квартиру 1000–1500 долл. в месяц. Если дети учатся в колледжах, куда тоже надо вносить немалые суммы, то семья бедных уже существует на грани голода.

Главный фактор американской бедности – безработица. За последние 5 лет финансово-экономической рецессии Америка потеряла 6,5 миллионов рабочих мест. При этом у работающих серьезным образом сократи-

¹ Цит. по: Skansen W.C. The Five Thousand Year Leap. New York, 2009. P.1.

² Faroohaar R. The Truth about the US Poverty Crisis // Time. 2011. September 28.

лась и заработная плата. Еженедельная заработная плата «голубых воротничков» в 2011 г. была ниже, чем в 1964 г. Конечно, рост бедности серьезным образом нарушает устойчивость и привлекательность американской мечты, дискредитирует претензии Америки на мировое лидерство. Впервые за последние 20 лет безработица в Америке достигает почти 10% населения, и самое страшное, что среди 10-процентного массива безработных примерно половину составляют люди, которые не работали никогда. В их семьях выросли дети, которые тоже не имеют шанса получить работу, – это мигранты, которые не смогли интегрироваться в американское общество. Они составляют мощную маргинальную среду, в которой процветает преступность, чреватая социальным бунтом и постоянным нагнетанием недовольства в американском обществе.

Форухар говорит о том, что эта ситуация не может быть исправлена в ближайшее время. Большое число рабочих мест сегодня открывается в сфере образования, управления, однако вакансии имеют годовые контракты. Это значит, что, временно облегчая нищету американских семей, они не ликвидируют проблему. Серьезный системный кризис, который переживает современная Америка, пока очень трудно поддается лечению. Президент Обама напряженно ищет пути выхода из кризиса, который является рукотворным достижением его предшественников-республиканцев. Однако в поисках выхода из кризиса ему не удастся разработать двухпартийную политику, как когда-то удалось Рузвельту в эпоху Великой депрессии 1930-х годов.

Американская демократическая система деградировала до такой степени, что борющиеся партии – республиканская и демократическая – озабочены не столько решением социально-экономических проблем общества, сколько тем, чтобы пробраться к власти. Лидеры ведут между собой борьбу за место в Белом доме, а не за реализацию программ. Республиканцы развернули мощную атаку на Президента Обаму за его попытку ввести налог на богатых, чтобы обеспечить дополнительные поступления в казну, которые можно было бы потом отправить на создание новых рабочих мест. В свое время эта акция удалась Франклину Рузвельту, и хотя он до конца своих дней испытывал люютую ненависть со стороны богатых слоев общества, ему удалось вывести страну из кризиса. В то время, в самый мрачный период Великой депрессии в начале 30-х годов, он бросил Америке клич, который услышали все: «Хватит ныть! Нас может спасти только действие». Сегодня такой клич Обама бросить не может, ибо призывая народ к действию, он должен дать ему возможность трудиться, чтобы заработать честным путем на жизнь себя и своей семьи. Гордость среднего американца на всем протяжении истории составляло то, что его дети будут жить лучше, чем он сам. Сегодня средний американец знает, что его дети не будут жить даже так, как он живет сегодня сам. Это является мощным источником пессимизма в американском обществе, и его очень умело используют республиканцы для того, чтобы выдавить Обаму из Белого дома.

Газеты, контролируемые республиканцами, всё время пестрят бойкими заголовками «Обама проваливается», и «Белый дом не контролирует события» и т.д. Это, безусловно, несправедливая и политически мотивированная оценка, тем более что республиканцы не предлагают альтернативного варианта восстановления американской производительности и международной конкурентоспособности, мобилизации американцев на преодоление кризиса. Главная задача современной Америки на пути выхода из кризиса состоит в мобилизации предпринимательского духа и инициативы, поддержке инновационных процессов в экономике и общественной жизни, увеличении производства товаров, имеющих большую научно-техническую производственную надбавку, и создании на мировом свободном рынке ниш, которые хорошо контролировались бы корпорациями Соединенных Штатов и приносили бы новый устойчивый доход. Это задача не одного года.

Потеря конкурентоспособности американских товаров на мировом рынке – болезнь, которая вызвана длительным участием в войне. Сегодня 60% национального дохода Китая имеет своим источником экспорт. Доля экспорта в валовом национальном продукте Соединенных Штатов составляет только 20%, и она продолжает снижаться. Призыв президента Обамы создать «атмосферу спутника», имея в виду мощный экономический спурт американцев, когда они после запуска советского спутника в 1956 г. открыли целый ряд новых производств и начали успешные состязания в космической эре, падает в глухую среду, не получая ответа.

Главной задачей рывка американской производительности сейчас является покорение рынков Азии, ибо в её ведущих странах – Индии и Китае – в ближайшие 10 лет количество среднего класса, известного своим широким массовым потреблением, возрастет в 2 раза. Подчинив себе эти рынки, Америка в значительной степени преодолела бы свои кризисные явления, однако Китай и Индия производят сегодня почти все те товары, которые могла бы поставить Америка.

Стратегия взаимозависимости – единственный выход из положения, но для того, чтобы она работала, Америке надо поделиться своими высокими технологиями, новейшими исследовательскими разработками, что американцы пока делать не готовы. Главной задачей такой взаимозависимости экс-премьер-министр Великобритании Гордон Браун, анализируя нынешнее кризисное состояние Америки, считает формирование доверия друг другу и к США в странах Азии и Африки и становление на этой основе уверенности в будущем. Говоря об Америке, он пишет: «Уверенность в будущем поможет создать уверенность в сегодняшнем дне. Уверенная в себе Америка сможет продавать свои новые товары за рубежом для того, чтобы оплатить потребительские расходы дома, а уверенная в себе Азия, обладающая американским рынком, сможет преобразовать массы бедных в средний класс, который немедленно затребует на свои национальные рынки американские товары, а это вызовет к жизни самоусиливающийся замкнутый круг новых инвестиций, технических разработок, торговли и роста»¹.

Уверенность в себе – мощная национальная черта, константа американского общественного сознания, которая помогала стране выйти из трудных ситуаций в прошлом. Почти наверняка она способна сделать это и сегодня. Политические круги, и в частности правящая партия и нынешний хозяин Белого дома, и сегодня пытаются демонстрировать эту уверенность в себе, однако она зачастую по-прежнему принимает формы американского диктатора.

¹ Brown G. Global New deal // Newsweek. 2011. August 15.

Глобальный миропорядок: китайская альтернатива

Современные социологи, исследующие процессы глобализации второй половины XX столетия, единодушны во мнении о том, что главную роль здесь играли Соединенные Штаты вместе с Советским Союзом и Англией, шествовавшие во главе победителей во Второй мировой войне. Инициатива создания многосторонних и глобальных международных институтов – ООН, Международного валютного фонда, НАТО – принадлежит Соединенным Штатам. И хотя Устав ООН, функциональная структура этой организации, её внутренняя композиция были определены при активном участии Советского Союза, благодаря чему ООН стала подлинно мировой универсальной организацией, одинаково доступной для больших и малых стран мира, три важнейших мировых института – Международный валютный фонд и Всемирный банк развития, НАТО – находятся полностью под влиянием Соединенных Штатов.

Глобальный охват действия проамериканских международных организаций позволил реализовать процессы так называемой «второй модернизации», которая охватила мир единой системой финансового управления и Всемирной паутиной информационно-коммуникационного воздействия. Поэтому французский исследователь Мартен Жак в основном прав, когда говорит о том, что «господствующей точкой зрения на современность является то, что глобализация – это процесс, благодаря которому мир становится (во всяком случае, должен стать) вестернизированным во всё больших масштабах, путем освоения механизмов свободного рынка, импорта западного капитала, приватизации, правления закона, уважения к правам человека и демократических норм. Запад приложил немало усилий, чтобы формировать мировую ситуацию в этом направлении. Соперничество, рыночные принципы, новые технологии потом сами стали мощными и параллельными трендами, формирующие процессы миропорядка, однако основная тенденция – вестернизация»¹.

Истинность этих слов подтверждается еще и тем, что к концу XX столетия, когда процессы модернизации обрели глобальный охват и стали необратимой мировой реальностью, только небольшое число стран из развивающегося мира сумело дополнить группу западных государств, являющихся лидерами этого процесса. Сегодня можно говорить о том, что в число стран-инициаторов модернизации вступили Бразилия, Индия, намерения подобного рода активно проявляет Россия, хотя пока еще и не смогла подтвердить значимость своих действий конкретными социально-экономическими и производственными преобразованиями и реформами. Американцы, являющиеся весьма активными специалистами – агентами и посредниками в реализации процессов глобализации, с удовольствием фиксируют одну и ту же ситуацию: повсюду в мире они встречают массы людей в руководящих сферах бизнеса, промышленности, политики, которые одеты по-западному, говорят по-английски, смотрят голливудские фильмы, слушают американскую поп-музыку, получают свою основную информацию из крупнейших мировых американских агентств. Даже азиатский массив сейчас пронизывают мощные преобразующие тренды глобализации. «Даже термин “Азия” представляет собой европейское изобретение, – пишет Мартен Жак, – куда бы вы ни поехали, в этом регионе вы всюду чувствуете присутствие Запада. Сила и динамизм западной модернизации переформирует повестку дня для Восточной Азии уже почти два столетия: от колониализма до Голливуда, от английского языка до баскетбола, от солнечного календаря до Майкрософта, от Вьетнамской войны до МВФ – Запад проявил себя и продолжает оставаться на Востоке в формах и структурах, которые Восток никогда не смог повторить на Западе»². Возможно, самым неожиданным последствием модернизации (unintended consequence) был выход Китая в течение трех десятилетий из бедной, разрываемой внутренними противоречиями страны во вторую экономику мира, которая если и неактивно участвует в решении судеб человечества, то готова оказать поддержку основным процессам модернизации таким образом и в таких масштабах, в которых сегодня ни одно другое государство и союз государств сделать это не в состоянии. Всё говорит о том, что Китай как вторая экономика мира, и одно из государств, наиболее полно освоивших модернизационные тренды, становится мировым лидером, успеху которого не только завидуют многие государства Азии, но и очень внимательно изучает весь мир.

Характерно, что если вестернизация во многих регионах мира в течение последних двухсот лет реализовалась силой, когда западные эмиссары оружием и крестом внедряли страх и обеспечивали послушание, Китай подчеркнуто отказывается от подобных методов воздействия на мир, подменяя их сотрудничеством, взаимопомощью, долгосрочными договорами, которые выгодны участвующим сторонам. В современном противоречивом мире, в котором процессы глобализации приносят далеко не одинаковые итоги разным странам, Китай выступает позитивной альтернативой, которая может показать развивающимся странам путь к модернизации через устойчивое развитие, мирную внешнюю политику, активное использование внутренних ресурсов, и, самое главное, обеспечение благополучия своих народов.

Если модернизационный спурт Запада насчитывает примерно двухсот – трехсотлетнюю историю, то китайская история исчисляется тысячелетиями. В китайской мифологии Желтый император, которого почитают в Китае как отца-основателя, не столько основал китайскую цивилизацию, сколько реформировал ее. До появления Желтого императора Китай находился в состоянии хаоса. Этот парадокс китайской истории был достаточно глубоко философски обоснован Конфуцием, который говорил о Желтом императоре, что «он не явился основателем китайской культуры, он просто сумел вдохнуть новую жизнь в принцип гармонии, которая всегда определяла лучшие этапы в развитии китайского общества»³. Рассуждая о специфике китайской цивилизации, один из ранних европейских христианских миссионеров, аббат Хук писал: «Китайская цивилизация возникла в такой далекой древности, что установить ее начало практически невозможно. Среди ее людей невозможно предугадать состояние детства. Это особо важная черта, характеризующая Китай. В истории почти всякой нации мы можем легко обозначить начало, а исторические документы, традиции, памятники помогают нам потом проследить почти шаг за шагом ее прогресс, присутствовать как на ее рождении, так и изучать ее бурное развитие, а потом во многих случаях упадок и распад. С Китаем дело обстоит иначе. Представляется, что китайцы всегда жили среди других людей, весьма выгодно отлича-

¹ Jacques M. When China Rules the World. New York, 2009.

² Op. cit. P. 113.

³ Цит. по: Kissinger H. On China. New York: The Penguin Press, 2011. P. 6.

ясь от них своим развитием, и всё то, что мы знаем о них из древности, подтверждает эту точку зрения».

Китай изобрел свою особую письменность – систему иероглифов – во втором тысячелетии до Рождества Христова, когда Египет переживал высший период своего расцвета, великие города-государства Греции еще и не появились, а времени Рима пришлось ожидать еще тысячелетия. Китайская история – сугубо человеческая история, она наполнена периодами взлета, междоусобиц, внутренних и внешних войн, хаосом, но каждый раз после политического коллапса китайское государство восстанавливало себя, как будто следуя какому-то малоизвестному закону природы. Каждый раз в этих целях появлялась уникальная личность, своего рода Желтый император, который воссоединял народ и двигал его к новым берегам.

Китай – государство-цивилизация. После распада Римской империи Европа так и не смогла выдвинуть из своей среды (не считая эгоманиакальных попыток Наполеона и Гитлера) лидера, который смог бы ее объединить снова. Политическая власть рассеялась в десятках локальных, небольших объединений, которые с большим трудом эволюционировали потом в государство-нации. Китайская империя всегда восстанавливалась благодаря единству. Не считая т.н. «внешней Монголии», границы Китая остаются примерно константными в течение последних пятисот лет. Китайская власть эволюционировала в государство-равновесие, государство-цивилизацию, и в этом ее главное отличие от Европы, которая в течение 2000 лет эволюционировала в агломерацию многочисленных государств, непрерывно воюющих друг с другом, а сегодня постоянно предъявляющих претензии и преодолевающих противоречия совместного бытия.

Мартен Жак полагает, что «китайская традиция единства явно демонстрирует три измерения: приоритет в ней отдается единству государства и народа; государству отводится центральная роль в охране этого единства; а само единство поддерживается в мощной духовной традиции общей китайской судьбы и идентичности, которая лежит в основе восстановления этого единства в кризисные моменты развития»¹. Единство и тысячелетняя преемственность китайской истории во многом способствовали тому, что китайские лидеры рассматривали себя, свою страну в качестве центра мира, «срединного царства», Поднебесной империи, которая всегда была способна развиваться на своей собственной основе и которая не нуждалась в поучениях извне.

Понятно, в условиях всемирной исторической экспансии молодого европейского капитализма китайская империя не могла продолжать оставаться в гордом одиночестве, и когда английские корабли стали рыскать вдоль берегов Китая в XVIII в., китайцы замечали и достаточно нелюбезно привечали «рыжих варваров» (red-hair barbarians), когда те заходили в порты, чтобы пополнить запасы пресной воды и продовольствия. В 1793–1794 гг. тогдашний король Англии Георг I отправил в Китай миссию лорда Джорджа Маккартни с целью установить контакт с людьми и лидерами этой удивительной нации в мире. Маккартни, естественно, привез с собой многочисленные подарки, свидетельствующие о больших научных и промышленных успехах своей страны. Они не произвели на китайцев ни малейшего впечатления. Миссия натолкнулась на непреодолимую проблему протокола: каждый посетитель, который для китайского императора был варваром, должен был пасть ниц и на четвереньках пробираться к императорскому трону, констатируя тем свою покорность и готовность стать вассалом. Маккартни не принял этого протокола, уехал, затем вернулся опять, и в течение длительных переговоров император великодушно разрешил ему пребывать коленопреклоненным перед ним на все время резиденции, однако отказал во всех просьбах англичан установить торговые и экономические контакты.

Император играл с огнем, но он об этом не знал. В стратегии английского колониализма не было опыта отступлений от своих намерений. Всё XIX столетие англичане, а потом американцы и японцы изнуряли Китай военной агрессией, вынуждая заключать неравноправные договоры, разрушая устои китайской самодостаточности. Хотя Китай воевал на стороне союзников антигитлеровской коалиции, все его силы уходили на борьбу с японской агрессией. Он вышел из Второй мировой войны ослабленным. От распада на десятки воюющих между собой территорий во главе с полевыми командирами Китай спасли коммунисты, провозгласившие в 1949 г. Китайскую Народную Республику. В Китае наступило время больших ожиданий и большого единства, однако дела молодой республики шли не лучшим образом. Победа Коммунистической революции в Китае привела к тому, что западные страны отвернулись от Китая, отказав в экономической и других видах помощи.

Китай формировал свои государственные учреждения, общественный строй и образ жизни по типу Советского Союза. СССР оказывал колоссальную помощь, весьма обременительную для собственной экономики, но и эта помощь все равно была недостаточна для того, чтобы восстановить разрушенное китайское хозяйство. В первой половине 1950-х гг. Советский Союз фактически вынудил Китай вступить в войну в Корею, отправив на Корейский полуостров более миллиона добровольцев, которые в конечном итоге спасли режим Ким Ир Сена от разгрома. Это отнюдь не способствовало решению внутриэкономических проблем самого Китая. Со смертью Сталина активная десталинизация, которая проводилась в СССР, оказалась не по нраву Мао Цзэдуну, который видел в этом угрозу мировому социализму. Во время одной из бесед с Хрущевым он сказал: «Ваша роковая ошибка в том, что вы дискредитировали Сталина. Вам достаточно было бы сказать, что у Сталина было 30% ошибок, а 70% успехов, и этим вы исчерпали бы историческую значимость вопроса»². Сказать так Хрущев уже не мог, было поздно. По иронии судьбы эту фразу почти дословно повторил Дэн Сяопин, оценивая историческое наследие Мао, благодаря чему реалистическое отношение к Мао в Китае не забывает о его заслугах, его тело мирно покоится в мавзолее на центральной площади Пекина, а образованные китайцы помнят и о недостатках его правления. Недостатки эти привели китайскую экономику на грань экономической катастрофы, довели до высокой степени накала китайско-советский конфликт, и в 1969 году советско-китайское столкновение на острове Даманском по пустышному пограничному поводу показало, что два коммунистических гиганта могут вступить в войну друг против друга.

Именно в это время Мао стал искать возможности сближения с Соединенными Штатами. Встречаясь с лидером коммунистической партии Австралии И.Ф. Хиллом в ноябре 1968 г., Мао осторожно подал сигнал Западу о том, что готов рассматривать его отнюдь не как заклятого врага, а как возможного союзника. Начался исторически очень значи-

¹ Jacques M. Op. cit. P. 82.

² Kissinger H. Op cit. P. 276.

мый период сближения Китая и Запада, а если говорить более конкретно, американо-китайского «взаимопонимания». Для президента Никсона, пришедшего к власти в Соединенных Штатах несколько позже, в 1969 г., геополитическая альтернатива была ясна: выиграть мировую войну против коммунизма в условиях, когда два коммунистических гиганта, СССР и Китай, будут союзниками, – невозможно. Если они станут врагами, то войны можно вообще избежать.

Ход американо-китайского сближения достаточно подробно описан Генри Киссинджером в его недавно изданной книге «О Китае»¹. Будучи опытным лицедеем, Киссинджер подробно описывает, как он, меняя парики и изменяя конфигурацию своего собственного носа, отправлялся с военных аэродромов в Пакистане на тайные встречи с Чжоу Энь Лаем, подробно описывает встречу с Мао Цзэдуном, к которому он, судя по тону книги, относится с явным пиететом. Лейтмотив повествования Киссинджера сводится к тому, что ему, и впоследствии президенту Никсону, который посетил Китай с официальным визитом в феврале 1972 г., удалось установить прочный американо-китайский альянс, который якобы во многом сдержал воинственные устремления Советского Союза. Киссинджер умалчивает, правда, о том, что этот альянс отнюдь не помешал Советскому Союзу ввести войска в Афганистан, хотя и ослабил не только советско-китайские отношения, но и мировую стратегию двух сверхдержав – США и СССР. Упреки в разрывании «китайской карты» стали устойчивым рефреном советских дипломатов в их встречах с американскими коллегами.

Правда, китайско-американское сближение не помешало заключению тем же Никсоном важнейших договоров о противоракетной обороне с советским руководством в начале 1970-х гг. и внедрению политики разрядки, однако оно имело другое важное последствие: между Китаем и Соединенными Штатами установились отношения, в которых появились важные элементы доверия на ближайшую перспективу – последних лет жизни Мао Цзэдуна. Благодаря этому после смерти Мао китайцы не опасались американского вторжения, а американцы не ожидали, что Китай пойдет на заключение каких-то неожиданных важных договоренностей с Советским Союзом, которые серьезно осложнят американскую геополитику.

Киссинджер говорит о том, что «советская угроза» была главным мотивом, по которому Мао пошел на сближение с Америкой. Однако изучение китайской истории этих десятилетий во всем его многообразии позволяет предположить и другое: мышление и интеллект Мао никогда не были подвержены одномерным принципам. Подход Мао был намного шире. Конечно, смягчение советской военной угрозы было для него важным составляющим этого сближения, однако он мыслит глубже: Китаю срочно нужны были средства для ликвидации экономической разрухи, вызванной китайской культурной революцией. Эти средства китайцы не могли мобилизовать у себя, и дать их Советский Союз тоже, естественно, не мог. Более того, сегодня можно предположить, что внедрение культурной революции, этого события потрясающей разгромной силы, для Мао было мотивировано не только сохранением его личной власти. Подобно Ленину в свое время, Мао стало ясно, что мощный бюрократический аппарат, созданный в условиях недостаточной производительности китайской экономики, серьезным образом замедлил движение Китая к новым рубежам и стал фактором торможения. Бросая на косный бюрократический аппарат молодые революционные силы, Мао рассчитывал извлечь из усталого полугодного китайского общества новую созидательную энергию. К сожалению, этого не вышло, и Мао был вынужден обратиться к Западу для поиска как новых источников финансирования своего кризиса, так и, возможно, новых моделей общественной жизни и общественного развития.

Сделать он это не успел, совершить всё смог человек, которого Мао считал одним из самых талантливых людей в его окружении и даже называл «маленьким сокровищем» – Дэн Сяопин. Это не помешало отправить «маленькое сокровище» на «перевоспитание» физическим трудом в деревню, что, в свою очередь, не помешало последнему организовать мощную всепроникающую реформу китайского общества.

Время китайского рывка пришлось на период, когда Советский Союз вступил в свою «культурную революцию» в виде перестройки и сопровождающего ее хаоса безвластия, когда Китаю можно было заняться серьезными, глубинными экономическими реформами, не оглядываясь на сложности международной обстановки. Очень важно, однако, что западный капитал, который пошел широкими потоками (за период 1990–2000 годов в Китай поступила полтриллиона западных инвестиций) смог это сделать, благодаря новой атмосфере доверия, начавшейся периодом американо-китайского сближения.

Китайский исторический успех у всех на виду, его пространно продолжают комментировать десятки исследовательских центров. Западных исследователей беспокоят два обстоятельства: первое – когда Китай совершенно очевидно становится главным двигателем экономического роста и глобализации, как построить с ним отношения, которые могли бы устранить ту угрозу, которую он несет западному доминированию в мире и обеспечить достаточно устойчивое развитие самим западным странам. Второе – как долго продлится китайский экономический рост, в чем обнаружатся его пределы и когда наступит «перегрев» китайской экономики. Пока процессы «перегрева» совсем не маячат на горизонте. Хотя растущее социальное неравенство, дисбаланс между уровнем жизни приморских и внутренних районов, ухудшение окружающей среды, дефицит природных ресурсов, являются проблемами, явно отягчающими сценарий устойчивого развития, остановить прогресс общества они пока не состоят.

Важнейшим очевидным результатом китайского экономического чуда трех десятилетий является восстановление «самодостаточности» китайского государства: мощный рывок потребления, рост благосостояния населения, появление среднего класса – всё это происходит благодаря тому, что Китай полностью удовлетворяет запросы своего населения за счет собственных производительных сил. Китай одевает своих граждан в продукцию своих фабрик, китайские города заполнены автомобилями в масштабах, сравнимых с любым крупным западным мегаполисом, однако все эти автомобили китайской сборки и т.д. Китай участвует в международном разделении труда, в освоении новых уровней глобализации, преследуя свои цели, которые не конфликтуют с целями других государств-участников, а планомерно и разумно их дополняют.

Китай, естественно, активно проникает в регионы богатые энергоресурсами, однако предпочитает заключать долгосрочные сделки и в ответ на них строит в этих странах дороги, открывает университеты, создает промышлен-

¹ Ibid.

ную основу молодых государств. Китайское вторжение в мир является созидательным и не несет угрозу ни одному государству мира. Несмотря на то, что в мире нет недостатка в исследованиях, которые утверждают неизбежность мирового Апокалипсиса, в результате которого китайское доминирование будто бы поставит весь мир на службу Китаю, конкретные исторические события этого пока не подтверждают.

Даже Киссинджер, верный слуга своих господ и представитель неоконсервативного течения в американской политической мысли, признает, что «Китай сегодня трансформирует политический экономический миропорядок, используя принципы демократизации, равенства, взаимной выгоды, и китайская мировая альтернатива является сугубо креативной, способной вывести человечество на новый уровень благополучия»¹.

Внутренняя программа Китая тоже достаточно привлекательна: китайское руководство полагает в качестве основных целей своего развития: повышение благополучия населения, создание гармонических общественных отношений, ликвидацию имущественного неравенства и социальной несправедливости. Заметим, что пока подобно рода формулировок цели и развития нет ни у одного государства, которого можно назвать лидером модернизации. Киссинджер говорит об этом: «“Мирный взлет” и “гармонический мир” – теории, которые вызывают к памяти принципы классической эры китайского могущества, которое обеспечило величие Китая: градуализм, гармонизация тенденций развития и избежание открытого конфликта, организация общественных процессов вокруг моральных принципов и становление гармонического мира как основная цель развития»².

Киссинджер говорит о том, что нынешнее поколение китайских руководителей было свидетелями социально разрушительных сил «культурной» революции. Именно поэтому свою легитимизацию они видят в том, чтобы обеспечить народу материальное благополучие, обществу – гармонию и мир, а международной ситуации – условия развития и сотрудничества, которые сделали бы невозможными возникновение новых разрушительных войн. Слов нет, это задача огромной трудности. Однако следует отметить, что китайское руководство, преодолевая трудности, ведет жесткую борьбу с коррупцией в административно-управленческой среде, контролирует нравственное благополучие общества, поощряет инновационную, энергичную деятельность молодых поколений, выдвигает свои международные проекты. В ходе решения этих задач Китай использует мировой опыт, критически осмысливает свою прошлую историю и добивается отношений равенства и взаимоуважения со всеми государствами мира.

Важной составляющей этого развития являются особые отношения Китая и США, двух великих держав современного мира. Председатель Китайской Республики Ху Цзиньтао и генеральный секретарь ЦК КПК регулярно участвуют в международных форумах «двадцатки». За период его руководства отношения между Китаем и США вышли на новый уровень взаимодействия и доверия. Этому, однако, во многом мешает агрессивная линия Соединенных Штатов: развивая эти отношения, Соединенные Штаты всё оказывают на Китай силовое давление. Так, недавно, несмотря на соглашение о постоянном обмене военным опытом и сотрудничестве Вооруженных сил, Пентагон заявил о поставке Тайваню новейшего оборудования для противоракетной и иной обороны в сумме более 5 миллиардов долларов. Это создает парадоксальную ситуацию: находясь в тотальной зависимости от китайских кредитов для удержания американской экономики от дефолта, американское руководство, тем не менее, страдает рецидивами старой агрессивной политики, создавая военную угрозу для Китая и обеспечивая тем самым политическое давление силового характера на страну-партнера. Тем не менее, для международного сообщества очевидно, что будущий глобальный миропорядок напрямую зависит от отношений двух крупнейших государств планеты – США и Китая.

* * *

Состоится ли биполярный мир США и Китая, который объединяет в единую систему мирового управления государства Запада и Востока, покажут ближайшие десятилетия. Ясно однако, что на период 10–20 лет предвидимой истории нет оснований полагать, что Евросоюз, США смогут преодолеть экономические негативные феномены своего развития, которые обусловили глобальный кризис 2008–2010 гг. Это всё время несет с собой угрозу нового глобального кризисного рецидива ввиду того, что основные экономические проблемы западного мира не решаются.

Проигрывая две крупнейшие войны XXI века в Ираке и Афганистане, Соединенные Штаты теряют престиж на мировой арене, и это лишает их способности выдвигать мировому сотрудничеству новые созидательные инициативы. Но тем не менее США останутся лидером в инновационной экономике, в способности революционизировать производственные системы, поощрять научно-исследовательскую работу на актуальных направлениях мирового прогресса. В ближайшее десятилетие представляется очевидным, что Китай будет продолжать свой экономический рост, строить гармоничное общество, повышать благополучие населения и обеспечивать доверие масс людей к народной социалистической власти. Он уже продемонстрировал умение, за период своего тридцатилетнего обновленческого рывка, справляться с возникающими трудностями и преодолевать кажущиеся непреодолимыми препятствия. Сближение США и Китая по основным направлениям мирового прогресса вырисовывается как объективная тенденция истории. Своим нынешним мировым положением, целеполаганием, программам модернизации Китай и США выдвигают себя на уровень новых мировых лидеров, а их сотрудничество может обеспечить миру период устойчивого развития, который окажется весьма плодотворным для благополучия народов мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Beck U., Grande E. The Cosmopolitan Europe. Policy Press, 2008.
2. Brown G. Global New deal // Newsweek. August 15, 2011.
3. Farooq R. The Truth about the US Poverty Crisis // Time. September 28, 2011.
4. Jacques M. When China Rules the World. New York, 2009.
5. Kissinger H. On China. New York, 2011.
6. Skansen W.C. The Five Thousand Year Leap. New York, 2009.
7. Tocqueville A. de. Democracy in America. Vol. 1. New York, 1956.

¹ Ibid. P. 255–290.

² Ibid. P. 490–500.